

МИГРАНТЫ МЕНЯЮЩИЕСЯ И МЕНЯЮЩИЕ: ТРАНСЛОКАЛЬНОСТЬ И “СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕВОДЫ” НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНСКОГО СЕЛА СИВУХ

И.В. Стародубровская

Ирина Викторовна Стародубровская | <https://orcid.org/0000-0002-7073-5905> | irinavstar@gmail.com | к.э.н., профессор | Университет Нархоз (ул. Жандосова 55, Алматы, 050035, Казахстан)

Ключевые слова

Дагестан, Сивух, трансллокальность, трансмигранты, социальные перечисления, сельское общество, культурный конфликт

Аннотация

Статья посвящена влиянию внутренних мигрантов на социальные отношения в отправляющем сообществе. Анализ базируется на теориях трансллокальности и “социальных перечислений”. Объектом исследования является трансллокальное сообщество дагестанского села Сивух. Исследование основано на результатах полевой работы, проводившейся в 2022 г. в Сивухе, а также в Санкт-Петербурге, Махачкале, Хасавюрте, и охватывавшей жителей и выходцев из села, в том числе мигрантов первого и второго поколения. Анализ показал, что городской контекст, а также отсутствие дискриминации способствуют более интенсивной интеграции мигрантов в принимающее сообщество, что в условиях сохранения трансллокальности ведет к формированию лучших условий для генерации ими “социальных перечислений”. Наиболее активно генерируют “социальные перечисления” молодые образованные мигранты и мигранты второго поколения, а также статусные мигранты, добившиеся восходящей мобильности в принимающем обществе. Характер локаций, где осели мигранты, способен оказывать влияние на формы “социальных перечислений”. Восприятие “социальных перечислений” в отправляющем сообществе может происходить непоследовательно и порождать культурные конфликты. При этом некоторые сегменты отправляющего сообщества лучше приспособлены к инновациям, другие же держатся за традиции.

Статья поступила 27.08.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 15.07.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Стародубровская И.В. Мигранты меняющиеся и меняющие: трансллокальность и “социальные переводы” на примере дагестанского села Сивух // Этнографическое обозрение. 2024. № 5. С. 157–176. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050093> EDN: ARWXYM

Starodubrovskaya, I.V. 2024. Migrants meniaiushchiesia i meniaiushchie: translokal'nost' i "sotsial'nye perevody" na primere dagestanskogo sela Sivukh [Migrants Changing Themselves and Others: Translocality and Social Remittances – The Case of the Sivukh Rural Settlement]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 157–176. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050093> EDN: ARWXYM

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

Теоретические подходы к анализу

Теоретическая рамка, связанная с трансмиграцией, транснационализмом, транслокальностью, широко используется в современных миграционных исследованиях¹. В противовес подходам, рассматривающим взаимоотношения мигранта лишь с принимающим сообществом, где он начинает жизнь как бы с “чистого листа”, транснационализм исходит из того, что “миграция никогда не была односторонним процессом ассимиляции в плавильный котел или мультикультурную салатницу” (*Levitt, Jaworsky* 2007: 130). Меняя место жительства, мигрант сохраняет связи со своей родиной, а также с иными группами мигрантов из той же локации, переехавшими в другие места.

Концептуализируя подобные представления, Нина Глик Шиллер с соавторами отмечали, что термин “транснационализм” используется, “чтобы подчеркнуть возникновение социального процесса, в рамках которого мигранты формируют социальные пространства (*social fields*), которые пересекают географические, культурные и политические границы” (*Schiller et al.* 1992: 9). Тем самым ученые уходят от противопоставления существования мигранта в отправляющем и принимающем сообществах:

С помощью этого понятия выделяется третье состояние — третье поле — пребывания одновременно и “там”, и “здесь”, когда тот же среднеазиатский житель, уезжая на длительное время работать и, фактически, жить в России (или другой стране), сохраняет самые тесные связи с местом исхода, продолжая общение с родственниками и соплеменниками по телефону и Интернету, переводя деньги своей семье и регулярно возвращаясь “домой” для подтверждения своего статуса члена сообщества (*Абашин* 2012: 11).

Применительно к изучению внутрироссийской миграции, не связанной с пересечением государственных границ, исследователи предлагают использовать близкую к транснационализму теорию транслокальности (*Капустина, Борисова* 2021). Наиболее очевидным ее преимуществом является охват более широкого спектра миграционных процессов. Эта теория “не ограничивается транснациональными мигрантами, но включает и различные формы внутренней миграции, а также маятниковую миграцию и ежедневные перемещения внутри городов и между сельскими и городскими территориями” (*Greiner, Sakdapolrak* 2013: 376).

В то же время применительно к настоящему исследованию теория транслокальности обладает еще одним несомненным достоинством. Большинство ее интерпретаций исходят из того, что “пространства и места являются не просто фоном, но играют активную роль в динамике мобильности и перемещений” (*Brickell, Datta* 2011: 8). Тем самым транслокальность рассматривается в первую очередь как выстраивание отношений и связей между различными локациями. Поскольку в настоящее исследование включены сообщества мигрантов из села Сивух на различных территориях, акцент на специфику локальности и ее влияние на транслокальные социальные поля представляется важным.

Исследователи также обращали внимание на то, что тесные связи между мигрантами и отправляющими сообществами предполагают неизбежность их взаимного влияния.

С одной стороны, «мигранты привозят в принимающую страну собственную “правовую культуру” (то есть общепринятые практики и неофициальные правила, основанные на законах родной страны или религиозном праве), что приводит к возникновению в принимающей стране плюралистической правовой среды» (Уринбоев 2021: 222). То же может быть верным и для миграций между локациями в рамках одного государства, если эти локации характеризуются существенными культурными различиями. Для мигрантов в подобных условиях продолжают быть актуальными те нормы и правила, которые существуют в отправляющем сообществе, на них распространяется действующая там система информсента этих норм (напр., через общественное мнение).

С другой стороны, мигранты воспринимают новые нормы и правила, жизненные модели, характерные для принимающего сообщества, и транслируют их на свою родину, трансформируя сложившиеся там отношения. Данный процесс получил название “социальные переводы”, или “социальные перечисления” (*social remittances*), — по аналогии с денежными перечислениями домой, осуществляемыми мигрантами. Под этим термином понимается процесс, в рамках которого “мигранты, живущие за границей или вернувшиеся оттуда, передают новые идеи и нормы членам их домохозяйств и сверстникам, оставшимся дома, тем самым модифицируя социальные институты и нормы исходного сообщества или страны” (Tuccio, Wahba 2020: 2). В качестве “социальных перечислений” могут выступать “идеи, модели поведения, идентичности и социальный капитал, перетекающие из сообществ принимающей страны в сообщества отправляющей страны” (Levitt 1998: 927). Исследователи отмечают, что “социальные переводы” могут влиять на самые разные стороны жизни отправляющих сообществ — на модели поведения женщин, браки, рождаемость, образование, социальную стратификацию, политические аспекты — причем не всегда есть основания оценивать это воздействие как позитивно влияющее на развитие (Levitt, Lamba-Nieves 2011).

При этом характер и интенсивность “социальных перечислений” зависят от различных факторов. Некоторые из них связаны с характеристиками миграции и мигрантов: “Влияние миграции на население отправляющих стран зависит от того, кто мигрирует, как надолго и куда, почему они уезжают и возвращаются и чем они занимаются, будучи за границей и после возвращения” (White, Grabowska 2018: 43). Другие определяются особенностями самого перечисления, механизмом его передачи и т.п. Восприимчивость социальных перечислений в отправляющем сообществе может зависеть от гендера, классовой позиции и возраста тех, на кого они направлены (Levitt 1998).

В данной статье исследование сконцентрировано на таком факторе, определяющем характер “социальных перечислений”, как специфика связываемых мигрантами локальностей. Автору не удалось обнаружить работы, где бы данная проблема специально рассматривалась в подобном контексте. Левитт отмечает, что “социальные перечисления” зависят от различий между отправляющей и принимающей страной и, если ценности и когнитивные модели, приносимые мигрантами, не порывают с теми, что характерны для отправляющей страны, они воспринимаются легче, чем нечто абсолютно новое (Ibid.). Однако более подробно на этом вопросе не останавливается.

В то же время имеющиеся академические публикации дают достаточно материала для того, чтобы порассуждать на эту тему.

Что касается принимающих сообществ, то, во-первых, можно предположить, что перенос идей, моделей поведения, новых технологий и т.п. наиболее вероятен из тех мест, где происходят их постоянная генерация и распространение и где плотность контактов высока. Речь идет в первую очередь о городах, “поскольку они концентрируют социальный, физический и человеческий капитал, используемый для создания множества социально-экономических, культурных и политических проектов, связывающих локальности поверх границ” (*Smith* 2011: 181). Именно мигранты в городах должны быть наиболее явным источником “социальных перечислений”.

Во-вторых, отношение к мигрантам в рамках принимающего сообщества также способно влиять на этот процесс. Теория транснационализма демонстрирует, что дискриминация и расизм со стороны принимающего сообщества могут способствовать ограничению контактов с ним мигрантов, стремлению замкнуться в своем кругу (*Portes et al.* 1999; *Tedeschi et al.* 2022), что подрывает источники “социальных переводов”. В то же время интенсификация подобных связей действует в противоположном направлении: “Больше контактов с принимающим обществом означает большее влияние различных его черт, больше рефлексии по поводу существующих практик и больший потенциал внедрения новых рутин” (*Levitt* 1998: 930–931). Тем самым можно предположить, что “социальные перечисления” будут наиболее интенсивны из тех локаций, где принимающее сообщество достаточно толерантно и мигранты не испытывают отчуждения.

На интенсивность и эффективность “социальных перечислений” не могут не влиять также характеристики отправляющего сообщества. То, в какой мере, каким образом и с какой скоростью мигранты перенимают новые модели поведения и взгляды, во многом зависит от того, что принято у них дома. Именно там складываются способы интерпретации, которые мигранты используют для осознания нового опыта (*Ibid.*). Тем самым открытость отправляющего сообщества (или его отдельных сегментов) для инноваций влияет и на его способность воспринимать “социальные перечисления”, и на возможности мигрантов их генерировать. В то же время со сменой поколений в последнем случае эта связь ослабевает, мигранты второго и последующих поколений с большей вероятностью окажутся так или иначе вписанными в культуру принимающего общества — мейнстримную или маргинальную (*Portes, Zhou* 1993; *Portes, Rumbaut* 2001).

Характеристика исследования

В качестве примера для анализа взаимосвязи транслокальности и “социальных перечислений” выбрано сельское сообщество села Сивух, которое можно рассматривать как типичное транслокальное сообщество, распределенное между различными локациями (*Канустина* 2019). То, что члены сообщества действительно находятся в состоянии постоянного движения, ярко проявилось в ходе исследования. Сроки полевой работы нужно было приспособлять к тому времени, когда человек, обеспечивавший вход в поле, вернется из Санкт-Петербурга в Дагестан. Одним из основных помощников в селе был мужчина, живший много лет в Махачкале и работавший в крупной компании. За несколько месяцев до момента проведения исследования он уволился и вернулся в село ухаживать за тяжело заболевшим отцом. После кончины отца он пока оставался в селе

и занимался сельским хозяйством, но планировал вернуться в Махачкалу. Глава семьи, где я останавливалась на время проведения исследования, несколько раз в год летает в пригород Петербурга к брату, когда для него там находится работа, остальное время проводит в селе. Некоторых информантов в Дагестане я нашла через их питерских знакомых. И этот перечень можно продолжать.

Полевая работа проводилась в два этапа. В сентябре 2022 г. были изучены мигранты из Сивуха в Санкт-Петербурге. В целом исследование было посвящено северокавказской миграции в мегаполисы, и пример Сивуха привлек внимание, поскольку, по словам информантов, именно Сивух был лидером среди дагестанских сельских поселений по количеству мигрантов в этом городе. Вход в поле осуществлялся через сивухцев, живущих в Дагестане, в дальнейшем работа проводилась методом “снежного кома”. В декабре 2022 г. был осуществлен выезд в Дагестан, где исследование сивухцев охватило не только тех, кто находился непосредственно в селе, но и жителей Махачкалы и Хасавюрта. В январе-феврале 2023 г. в связи с тем, что в селе происходили события, важные с точки зрения проблематики настоящей статьи, дополнительная информация была собрана дистанционно.

Локации, включенные в исследование, можно охарактеризовать следующим образом:

- кроме самого села, все остальные локации являются городами. Санкт-Петербург — один из крупнейших российских мегаполисов; Махачкала — региональный центр с официальной численностью населения около 600 тыс. человек (неофициальные оценки дают более высокие цифры); Хасавюрт — небольшой город с населением около 150 тыс. человек;

- все локации находятся на территории Российской Федерации. Махачкала и Хасавюрт расположены в Дагестане, достаточно близко от села Сивух (132 и 33 км соответственно). Расстояние от Санкт-Петербурга до Махачкалы составляет 2637 км, города связаны ежедневным авиасообщением, продолжительность перелета — около четырех часов. Переезд между этими городами на автобусе длится 15–17 часов;

- Махачкала является крупнейшим городом на Северном Кавказе. При этом на его территории в постсоветское время протекают активные урбанизационные процессы, в ходе которых на каких-то этапах создавалось впечатление, что “село переваривает город”. Тем не менее город по сравнению с селом существенно расширяет рамки свободы и самоопределения индивида; жизнь в нем регулируется нормами, существенно отличающимися от традиционных, и возможности повышения квалификации и вертикальной мобильности несопоставимо выше, чем в сельских сообществах. Тем самым нет оснований отрицать, что распространенные в Махачкале, или по меньшей мере в отдельных сегментах городского сообщества, нормы и практики могут являться источником социальных инноваций для дагестанских сел;

- что касается Санкт-Петербурга, то применительно к нему не возникает вопроса, способен ли этот город генерировать инновации. Важно другое — насколько дискриминация мигрантов может повлиять на их желание и возможности осваивать новые нормы и практики. Судя по всему, здесь данный фактор не играет серьезной роли. Среди локаций, расположенных за пределами Северного Кавказа, Санкт-Петербург оценивается мигрантами как достаточно комфортный город. Практически все выходцы из Дагестана характеризовали его позитивно,

многие говорили о доброте местных жителей: “Хороший, тихий, спокойный город. Можно заниматься своими делами, никто не мешает” (ПМА 1: 1); “Красивый большой город. Никакой суеты. Комфортно, да” (Там же: 6). В интервью упоминались отдельные случаи дискриминации, однако информанты подчеркивали, что она не носит системного характера.

При этом необходимо отметить, что миграция из села не ограничивалась данными локациями. Собеседники упоминали о том, что сельчане проживают также в Москве, в Новгороде, в Республике Коми и на других территориях. В исследование были включены и информанты, характеризовавшиеся сложной миграционной траекторией. Всего исследование охватило 37 информантов. 18 из них были проинтервьюированы в селе, 13 — в Санкт-Петербурге, пять — в Махачкале, один — в Хасавюрте. Поколенческий баланс в выборке в целом соблюден, несколько недопредставлены женщины среднего возраста. Гендерное соотношение оказалось сдвинуто — 25 мужчин, 12 женщин. Основная проблема возникла с поиском мигрантов второго поколения — лишь два информанта могут с уверенностью быть отнесены к этой категории. Дефицит информации частично восполнялся за счет подробного интервьюирования мигрантов первого поколения об их детях.

В основном использовался метод индивидуальных и групповых полуструктурированных, частично биографических интервью. В селе была проведена также коллективная беседа со старшеклассниками в присутствии директора школы. Интервью продолжались от 10 мин. до двух часов, в среднем — около 45 мин. В основном интервью записывались на диктофон, в отдельных случаях содержание разговора воспроизводилось постфактум по памяти. Осуществлялись также наблюдения за тем, как строятся семейные отношения в селе.

Описание села Сивух

Сивух (или Сиух) — село в равнинном Хасавюртовском районе Дагестана, недалеко от города Хасавюрт и границы с Чечней. Официальная численность населения — около 4,5 тыс. человек. Не очевидно, что численность оценена верно — статистические данные демонстрируют не очень понятный резкий ее рост (3199 в 2002 г., 3313 в 2010 г. и 4567 в 2021 г.), что не подтверждается, например, динамикой учеников в школе. По свидетельству информантов, количество школьников снизилось с более чем 800 человек в середине 2000-х до менее 600 на момент проведения исследования. При этом фактическая численность населения в селе нестабильна по причине масштабных миграций.

Сивух — село со сложной и драматичной историей, и эта история, как и во многих дагестанских селах, “живая”. Местные жители рассказывают о ее событиях, краеведы пишут книги о своем селе (мне в ходе исследования подарили две). Поскольку история села действительно помогает понять некоторые современные процессы, приведу краткий исторический экскурс.

Одна из посвященных Сивуху книг имеет подзаголовок “трижды переселенное” (Османов 2020). Действительно, жители села несколько раз были вынуждены переселяться на новое место жительства. Считается, что в Средние века сивухцы жили на территории современного Ахвахского района и входили в Каратинское вольное общество (сельчане до сих пор говорят на каратинском языке). Легенды повествуют, что в результате конфликта с соседями сивухцам пришлось уйти. Некоторая их часть переместилась в Чечню, но большинство

обосновалось на территории современного Гумбетовского района Дагестана. Здесь возникло поселение, которое теперь обозначается жителями как Старый (или Горный) Сивух. В 1944 г. сельчане практически в полном составе были выселены в Чечню. По имеющейся информации, в 1944 г. депортировали 160 семей, оставшиеся 27 подверглись той же участи в 1946–1947 гг. (Там же: 181). Когда чеченцы стали возвращаться, встал вопрос о дальнейшей судьбе сивухцев. Сразу переселиться обратно в дагестанские горы власти не разрешили, но предоставили сивухцам возможность выбора места на равнине. Таким образом возникло современное равнинное село Сивух.

Однако переселения — не единственные трагические страницы в истории села. Сивухцы принимали активное участие в борьбе против Российской империи — в Кавказской войне и в восстании 1877 г., несли немалые потери, село сжигалось в 1845 и 1859 г. (*Меламедов* 2018). После революции сивухцы довольно долго противодействовали установлению советской власти. Одно из самых страшных исторических событий, о котором неоднократно упоминали информанты, — произошедшее в 1921 г. массовое убийство жителей села красноармейцами. Было убито 132 человека, село было разграблено (*Исаев* 2018: 62–66). “Советская власть жестко прошла по нам” (ПМА 3: 6).

История современного равнинного села также начиналась трудно. Информанты неоднократно упоминали, что место для переселения было выбрано неудачно — “топь, низина, болотистая местность”. Но выбор определялся другими факторами: “Старики исходили из той мысли, что чем дальше от железной дороги, тем меньше негативного влияния на молодежь, скажем так. <...> Все, что нам не понятно, — мы же пытаемся отгородиться” (ПМА 3: 5). В первое время люди жили в землянках, страдали от холода, болели, умирали. Погибло много детей. Однако после преодоления сложностей начального этапа жизнь в селе постепенно налаживалась. Сельскохозяйственное предприятие “Заветы Ильича” стало колхозом-миллионером. Здесь занимались скотоводством, выращиванием овощей, фруктов, семеноводством; функционировал консервный завод. Жители получали высокие доходы за счет сочетания выращивания овощей на приусадебных участках, их реализации в Дагестане и за его пределами и работы в богатом колхозе, позволявшей получать сельхозпродукцию натурой: “В 1975–1990 гг. люди разбогатели, получали хорошие доходы от работы в агрофирме и немалую выручку от личного подсобного хозяйства” (*Османов* 2020: 250). Как вспоминают информанты, в каждой семье была машина “Волга”, а то и две. Люди хранили огромные суммы сбережений в банке.

Возможность безбедной жизни за счет сельскохозяйственного труда в советское время способствовала тому, что образование не стало для сельчан ценностью: “Была серьезная проблема — имея настолько большие заработки, люди не шли учиться. Они рассуждали обывательски так: пять лет содержать тебя в другом городе, ты приезжаешь и в лучшем случае получаешь 80–90 рублей, когда мы за сезон зарабатываем 10–15–20 тысяч. Зачем?” (ПМА 3: 3). Информанты рассказывали о типичной жизненной траектории молодежи того времени — молодой человек возвращался после армии, женился на девушке, окончившей школу, они получали участок и начинали выращивать овощи. Это позволяло за три–четыре года обеспечить базовые потребности молодой семьи — жилье, машину. В то же время дети сельской интеллигенции традиционно были нацелены на продолжение обучения после школы: “Учителя хотели, чтобы их дети стано-

вились учителями. Они хотели эти места бронировать. В колхозе — колхозные элиты” (Там же: 4). После получения образования эти молодые люди в основном возвращались в село: “И мысли не бывало где-то оставаться” (ПМА 1: 9).

Такая модель жизни рухнула с наступлением кризиса 1990-х годов, который сельчане пережили очень непросто. Сбережения пропали. Конкуренция импорта снизила доходность сельскохозяйственного производства до минимума. По мнению городских сивухцев, село недостаточно быстро адаптировалось к новым реалиям, жители продолжали заниматься теми видами деятельности, которые уже не приносили дохода: “Село... долго раскачивалось, долго не верило, что то благополучие, которое было, — его нет, и надо жить дальше” (ПМА 3: 5). Длительное время продолжались попытки сохранить колхоз, который постепенно деградировал, — сады были выкорчеваны, техника распродавалась.

Альтернативная экономическая стратегия была найдена в массовой миграции за пределы Дагестана, в первую очередь в Санкт-Петербург: “Очень бедно жили. <...> Вот в Питер поехали поэтому” (ПМА 3: 3); “Из-за развала колхоза вся молодежь уехала — кто в Питер, кто куда” (Там же: 5); “Молодые стараются уезжать. Молодые стараются в основном в Россию. Санкт-Петербург — там уже целая диаспора, как бы сказать, образовалась. И там более зарплаты высокие. И работу достать там легче. И плюс все эти социальные условия... Разница большая, конечно, чем в селе” (ПМА 2: 1). Информанты вспоминали, как первые переселенцы зарабатывали на нелегальных маршрутках, “обкатывая” те маршруты, которые город потом легализовывал. Жили трудно, вплоть до того, что спали в тех же маршрутках, на которых работали. Однако постепенно мигранты обустроивались, вытаскивали за собой в город родственников и друзей. По словам собеседников, после 2005 г. число сельчан в городе стало расти лавинообразно.

По оценкам информантов, на момент проведения исследования жилье в городе купили около 100 сивухских семей, из села на заработки приезжало до 500 человек. Эти люди в основном были заняты на различных низкоквалифицированных работах, в первую очередь водителями (на внутригородских перевозках и дальнобойщиками), а также строителями: “Кому какая работа попадется. Самая простая работа — водитель” (ПМА 1: 8). На фурах, как говорили информанты, мигранты зарабатывают от 50 до 100 тыс. рублей, основную часть доходов отправляют в село. А из села два раза в неделю приезжает “Газель” с продуктами для питерских сивухцев. Специфика занятости позволяла сивухцам достаточно свободно выбирать место жительства в городе, и в интервью не раз указывалось, что сельчане стремятся селиться компактно в двух районах с дешевой недвижимостью — у станций метро “Проспект Просвещения” и “Улица Дыбенко”.

В самом селе жители занимаются в первую очередь сельскохозяйственной деятельностью — держат скот на откорме, выращивают овощи, фрукты, ягоды. При этом информанты отмечали, что заработки “на выезде” более привлекательны, чем сельское хозяйство, где требуются первоначальные вложения, а урожай может неожиданно погибнуть — “один год есть — два года нету” (ПМА 2: 3). Тепличное хозяйство распространения не получило. В селе функционирует мебельный цех, работают строительные бригады: “По селу тоже стройками занимаются, кому-то строят” (Там же: 2). Правда, собеседники жаловались, что, поскольку все уехали, строители в дефиците, чуть ли не за полгода нужно бронировать бригаду. До коронавируса на стройках работали узбекские мигранты, на момент проведения исследования этого источника дополнительной рабочей силы не было.

Большую символическую роль в формировании идентичности сивухцев играет Старый Сивух – горное село, из которого сельчане были высланы в Чечню и куда не смогли вернуться после переезда обратно в Дагестан. Земли, которые сивухцы считали родовыми, были переданы в пользование соседним селам. Попытки вернуть эти земли, возродить старое село составляют важную часть современной истории Сивуха. В позднесоветское и постсоветское время этот процесс шел с переменным успехом, сейчас также нельзя сказать, что он окончательно завершен. Из-за этого у сивухцев сложились конфликтные отношения с сообществом соседнего горного села Цилитль, выплескивавшиеся время от времени во вспышки насилия.

На постоянной основе в Старом Сивухе проживает всего несколько семей. Тем не менее сивухцы предпринимают немалые усилия для того, чтобы вдохнуть в село новую жизнь – строят дома, осуществляют благоустройство. От нескольких информантов, в том числе молодых, приходилось слышать, что они хотят переселиться в горы. В качестве экономической основы развития горной территории рассматривается туризм. Сельчане создают “Альпийскую деревню” – комплекс гостевых домов в едином стиле, содержащий необходимую туристическую инфраструктуру. По имеющейся информации, на момент проведения исследования восемь гостевых домов были готовы, два достраивались, строительство еще 15 было начато. На этой территории было организовано освещение, проложен водопровод, проведен Интернет, строились дороги, создавались туристические маршруты.

Результаты исследования

То, что в Сивухе меняются нормы, регулирующие отношения между сельчанами, так или иначе отмечали многие информанты: “Такого патриархального общества уже нету. <...> Было” (ПМА 3: 3). При этом было бы некорректно списывать все эти изменения на влияние миграции. Здесь действовали разные факторы – так, нередко подчеркивалась роль социальных сетей. Некоторые собеседники говорили, что запрещают детям пользоваться Интернетом, поскольку это негативно на них влияет.

Базу для восприятия новшеств создавали предпосылки в самом сельском сообществе – модернизация советского времени (информанты рассказывали, например, о комсомольских свадьбах без калыма и с публичными танцами жениха и невесты); глубокий кризис 1990-х (по мнению некоторых, он способствовал поколенческой эмансипации, поскольку старшие не смогли найти выход – “то, что они умели – это не кормило” [Там же: 3]). При этом способность к восприятию “социальных переводов”, судя по всему, была сильно дифференцирована – информанты упоминали как семьи “демократические”, так и “строгие”, где жестко стремятся не допустить нарушения традиций.

Исследование показало, что миграция достаточно существенно меняла ценности, нормы и идентичности сивухцев. Это проявлялось уже у первого поколения мигрантов, но особенно ярко выступало во втором поколении. Так, представители второго поколения либо однозначно относили себя к горожанам, либо характеризовали свою идентичность как двойственную: “Здесь чувствуешь себя петербуржцем, в Дагестан приезжаешь – чувствуешь себя дагестанцем” (ПМА 1: 1).

Хотя и первое, и второе поколения сохраняют связи с сельским сообществом — практически все мигранты говорили, что хотя бы раз в год возвращаются в Сивух, проводят там каникулы и отпуска, — отношение к селу у многих постепенно меняется:

В первые год-два было очень тяжело. Тянуло (домой. — *И.С.*). Не хотелось здесь (в Петербурге. — *И.С.*) оставаться. А потом уже как-то со временем привык. Город полюбился. <...> Человек меняется, а место, откуда он уехал, остается тем же. Приезжаешь туда, видишься только с родственниками, а потом до конца отпуска как-то скучновато бывает. Нет занятия, нечем заниматься. Работа, учеба здесь. Привыкаешь к этому режиму (ПМА 1: 3).

Там уже ты чувствуешь себя в гостях, а в гостях долго находиться (не хочется. — *И.С.*)... К себе домой хочется. Здесь свое, свой дом (Там же: 4)².

В интервью мигранты акцентировали внимание не только на сходствах, но и на различиях своих представлений о жизни с сельскими: “Мне скучно тоже там бывает. <...> У нас разные какие-то, разные интересы. Вот даже моего возраста девочки там совсем другие. <...> Просто целей никаких нет. Как может быть человек без цели и без какой-то мечты?” (ПМА 3: 2). И выполнение сельских норм уже не воспринималось как категорически обязательное: “Можно прислушаться, но не прямо так быть одержимой мнением окружающих” (Там же).

При этом характер “социальных перечислений” со стороны мигрантов в Санкт-Петербурге и в дагестанских городах мог существенно различаться.

Что касается Петербурга, то источником трансформации норм и моделей поведения мигрантов выступали в первую очередь два фактора. С одной стороны, это культурная дистанция между крупным мегаполисом с его автономностью личности, свободой нравов, культурным разнообразием и достаточно традиционным дагестанским селом; с другой — возможности получения качественного образования. Как показало исследование, оба фактора оказывали влияние на “социальные переводы” и способствовали изменению жизни в селе.

Культурная дистанция нередко вызывала у мигрантов первого поколения отторжение, стремление отгородиться от чуждой среды, замкнуться в кругу близких по духу людей: “Все равно разный менталитет, разная культура — это дает о себе знать. <...> Разные взгляды на жизнь в целом” (ПМА 1: 3). В случае Сивуха здесь дополнительно могло влиять стремление материнского сельского сообщества к замкнутости, нежелание открываться чуждому влиянию (*Карпов, Капустина* 2011): “Само село... оно относительно закрытое. То есть мы всегда, получается, себя противопоставляли... Мы были чужими, и мы всегда на себя рассчитывали — на свое” (ПМА 3: 5); “Они вот в своем котле варились — свой язык, своя жизнь, своя культура” (Там же: 3). Отторжение культурной чуждости проявлялось, в частности, в том, что мигранты первого поколения (мужчины) практически единодушно утверждали, что хотят воспитывать детей на родине: “Влияние окружающих, вокруг что люди делают. А там (в селе. — *И.С.*) все по-другому” (ПМА 1: 6); “Самое главное для наших детей — это там получить фундамент исламский хороший (лучше. — *И.С.*) чем здесь” (Там же: 7).

Тем не менее границы “культурной общности” и “культурной чуждости” в городах неизбежно сдвигаются. Сивухцы в Петербурге, например, являются

активистами в молельном доме, находящемся в Дагестанском культурном центре (ДКЦ), общаются там с другими мусульманами и, судя по всему, используют эти связи для трудоустройства и решения других жизненных проблем. Так, информанты упоминали, что некоторые сельчане работают в фирмах, принадлежащих активистам ДКЦ другой этнической принадлежности. Студенты попадают в мультикультурную среду и вынуждены переопределять для себя границу “свой — чужой”. Здесь “своими” оказываются уже не просто сивухцы, а дагестанцы, кавказцы. Что касается второго поколения, то культурная граница фактически стирается — их круги общения массово включают русских, а один из молодых людей снимал квартиру вместе с индусом.

Подобное переопределение границы “свой — чужой”, судя по всему, стало важным фактором в изменении брачных моделей среди сивухцев. Традиционно в селе были приняты браки между родственниками — троюродными, четверюродными (но не кросскузенные браки): “Они не выдавали замуж дочерей за пределы села. Не брали сами” (ПМА 3: 3); “Процентов 90 — это тухумные браки. То есть это уже родители выбирали. Ну и бывало, что парню тоже нравилась, по любви” (Там же: 4). Однако массовые миграции неизбежно стали оказывать влияние на выбор брачного партнера: “Когда ребенок учится, поступает куда-то или на работу там за пределы села устраивается, там же отношения возникают” (ПМА 2: 1). Здесь в основном инициатива исходит от самих молодых, общение происходит гораздо свободнее, чем в селе, старшие теряют контроль за процессом создания семьи: “Я боюсь, что они (дети. — *И.С.*) будут (пару. — *И.С.*) сами искать. Боюсь, что не будут к нам прислушиваться. Потому что они здесь родились, фактически здесь росли, у них свое виденье” (ПМА 1: 9). Расширение границ выбора брачного партнера вело к нарушению и других общепринятых сельских норм. Так, информанты приводили примеры, когда молодые люди стремились брать в жены девушек старше себя, что в селе было абсолютно не принято.

По словам информантов, межэтнических браков среди сельчан было немного. Звучали оценки 10–20%, но вряд ли можно рассчитывать на их точность. Скорее, они говорят, что масштабы этого явления невелики, но оно уже не воспринимается как маргинальное. Причем утверждалось, что подобные пары создают не только мигранты, но и сельские жители. У большинства информантов пара была из Сивуха, но примеры межэтнических браков могли привести практически все. Отношение к подобному явлению по-прежнему было неоднозначным. Отмечалось, что стремление создать семью с “незнакомцем” — одна из немногих причин, по которой родители могут не согласиться на брак: “У меня отец сказал: если не из села — не выйду (замуж. — *И.С.*)” (ПМА 2: 4). Но не все родители готовы идти против воли своих детей: “Я вот как-то Аллаха стала побаиваться. Думаю — Аллах разозлится на меня. Дети рвутся, дети любят друг друга, хотят друг друга, и вдруг, думаю, вдруг станет наркоманом на этой почве, вдруг пьянствовать начнет... И вот так я решила на это” (ПМА 1: 5). Впрочем, дети тоже не всегда безропотно принимают позицию старших. Информанты приводили примеры, когда молодые люди возражали и добивались своего. У девушек таких возможностей меньше — гендерные иерархии в сообществе еще достаточно сильны.

В то же время постепенно межэтнические браки переставали восприниматься как нечто из ряда вон выходящее: “Ну конечно, в последнее время рамки стираются уже, с городов (берут. — *И.С.*) — в общем, много незнакомцев, скажем так” (ПМА 1: 2). Особенно когда речь шла о создании семьи с дагестанцами: “Если

именно с Дагестана, то нация не играет роли. Почти. У кого-то бывает вот строго, традиции. А так нет” (Там же: 1). Впрочем, судя по всему, был и другой источник подрыва представлений о предпочтительности внутрисельских браков — исламские установки, согласно которым семью можно создавать с любым мусульманином. Старшеклассники говорили, что этническая принадлежность будущей жены для них роли не играет, и приводили примеры браков с русскими девушками, принявшими ислам, — действительно, в селе было несколько подобных случаев.

Что касается образования, то представляет интерес его влияние на гендерные отношения в селе. В целом образование среди сивухцев так и не стало ценностью — 20–30% учащихся остается в школе после девятого класса, совсем немногие получают высшее образование, и даже среднее специальное не является общераспространенным — молодые люди нередко сразу после школы начинают работать. Судя по всему, на момент проведения исследования девушки получали послешкольное образование даже чаще, чем юноши. При этом раньше девушки, если и учились после школы, то делали это на территории Дагестана. Однако миграция внесла существенные коррективы — некоторые информанты утверждали, что сейчас дочерей даже более охотно отправляют за пределы республики. Это стало возможным, поскольку за девушками есть кому присмотреть — в российских городах появилось гораздо больше родственников и близких друзей. В результате более широкого распространения среди девушек получения качественного профессионального (в первую очередь высшего) образования замужество после школы перестает быть безальтернативным вариантом, спектр возможных жизненных траекторий расширяется.

Образование влияет и на время прохождения девушками основных стадий жизненного цикла. Повышалась вероятность того, что девушка позже создаст семью: “Кто учиться не едет — те выходят (рано замуж. — *И.С.*). А кто будет учиться — там по-разному. Если родители выдают — выходят. <...> Когда и семья есть, и учеба совместно — это трудно, поэтому сначала закончить — потом, скорее всего (замуж. — *И.С.*)” (ПМА 2: 5). Информанты упоминали случаи отказа в сватовстве на том основании, что девушка должна закончить учебу, даже если сама она была не против замужества. Повышение возраста вступления в брак может приводить также к более позднему деторождению.

Адаптация в сообществе к подобным изменениям происходит непросто. Некоторые информанты говорили, что позволяют дочерям получать среднее образование, но не высшее — пора будет выходить замуж. По-прежнему считалось, что девушке, получившей образование, муж имеет право запретить работать. Об этом, в частности, говорили старшеклассники — жена должна быть образованной, но при этом сидеть дома и заниматься семьей: “Я буду запрещать своей жене работать. <...> Сам могу обеспечить семью” (Там же: 6); “Я не хочу, чтобы моя жена работала там, пахала. Я могу ее обеспечить” (Там же: 7). Образование для девушки рассматривается скорее как страховка в условиях жизненных трудностей или развода.

Однако не очевидно, что все девушки безропотно готовы соглашаться с подобным подходом. Учеба в мегаполисе так или иначе подталкивает к эмансипации, влияет на ценности и жизненные ориентиры: “Быть не образованным и не работать — в наше время это очень сложно” (ПМА 3: 1). Так, информантка, обучавшаяся в Петербурге, говорила, что вернулась оттуда совсем другим человеком. В результате девушки начинают предъявлять более серьезные требования к буду-

щему мужу — с точки зрения образованности, общности жизненных ориентиров, уважения собственных прав. Подобный настрой характерен не для всех сельчанок (некоторые девушки с карьерными амбициями говорили, что тем не менее готовы к замужеству с человеком, который запретит им работать), однако новые подходы начинают оказывать влияние. Так, не все девушки были уверены, что смогут найти пару в соответствии со своими требованиями среди сивухцев.

Что касается выходцев из села в Махачкале, применительно к ним более интересны те формы “социальных переводов”, которые связаны с пространственной доступностью села из Махачкалы — дорога на автомобиле туда занимает лишь около двух часов. Тем самым мигранты могут оказывать более непосредственное воздействие на жизнь села. И в случае Сивуха наблюдается именно такой пример.

В 2019 г. в Сивухе был воссоздан Совет села как неформальный орган местного самоуправления. Причем инициатором выступила группа успешных сивухцев — бизнесменов, региональных чиновников, общественников — преимущественно из Махачкалы:

Всегда так бывает, что в общественные процессы вовлечены выходцы с села, проживающие вне села. Почему? Потому что, когда мы приезжаем в село, мы видим там проблемы, люди делятся с нами проблемами. Мы видим, что у нас есть какой-то ресурс — политический, финансовый ресурс — для решения тех или иных проблем. Мы знаем, как правильно все организовать, потому что мы люди большей частью образованные; люди, у которых есть бизнес; люди, которые работают в органах власти. Мы знаем, как эту ситуацию можно решить, и люди нам доверяют. И мы решили не ждать, пока люди самоорганизуются там. Потому что эти люди, они могли блестяще озвучивать проблемы, но они не знали, как их решить... (ПМА 3: 4).

До того даже не все участники этой инициативы имели тесные связи с сельским сообществом: “Я не воспринимал, что я могу как-то на село, на жизнь села влиять” (Там же: 5).

Хотя в селе накопилось немало требующих решения вопросов, поводом для воссоздания Совета послужила необходимость окончательно разобраться с земельными проблемами Старого Сивуха — той территории, с которой сивухцы, независимо от места проживания, чувствовали свою символическую связь. Совет был сформирован по тухумному принципу (что давало ему опирающуюся на историю села легитимность и позволяло активно участвовать в его деятельности сивухцам, непосредственно не проживающим в селе), всего в него вошло около 70 человек. Философию деятельности Совета отражает лозунг на странице его группы в соцсетях: “Критикуешь — предлагай. Предлагаешь — организуй и возьми на себя ответственность за это. Не берешься организовать — не мешай. Маленькое дело лучше больших слов”. Был также сформирован фонд, финансово поддерживаемый обеспеченными сивухцами, для финансирования проектов в горном и равнинном селе.

Насколько можно понять, Совет действительно стал играть ключевую роль в жизни сельского сообщества: “В селе уже никто ничего не может сделать без разрешения, без дозвола Общественного совета” (ПМА 3: 4); “Главу села мы выбрали Советом. Депутатов выбрали Советом. И главу, который пролез без раз-

решения Совета, вызвали на Совет и сказали – уходи. Он ушел” (Там же: 3). Избранный в 2020 г. новый глава села стал тесно сотрудничать с Советом.

В целом в селе деятельность совета пользовалась поддержкой, однако нельзя сказать, что эта поддержка являлась единодушной. Так, некоторые тухумы не вошли в его состав – кто-то по причине связи с прежней местной властью, кто-то из-за содержательных разногласий. Изначально предполагалось, что имам села будет играть в Совете важную роль, однако на момент проведения исследования он в состав Совета не входил. Борьба обострилась в период перед выборами нового председателя Совета, которые состоялись уже после завершения полевого исследования: “В ход шло все. То, что нечистокровные там выходцы есть, в ход шло что где они были до сих пор, в ход шло, что вы не живете в самом селе” (Там же: 5).

Сторонники Совета искренне недоумевали, почему их работа может вызывать какой-то негатив: “Сказать, что мы пришлые для этого села – это очень тяжелое обвинение. <...> С нашей стороны мы доказали, что, хоть мы и не живем в селе, но максимально стараемся для этого села” (Там же: 6). Действительно, даже в ходе исследования было заметно, что новая управленческая команда генерирует позитивные изменения. В равнинном селе строилась школа, поданы были документы на строительство детского сада, спортивного комплекса. Асфальтировались улицы, проводились другие работы, направленные на улучшение быта сельчан. В горном селе благоустройство и создание туристической инфраструктуры также осуществлялось на основе современных проектных подходов. Новая администрация и ключевые члены Совета обладали достаточно высокими управленческими компетенциями – могли грамотно оформить документы; знали, в какие республиканские программы и на каких условиях можно было включиться. Все это, очевидно, выводило управление селом на новый качественный уровень. Например, когда администрации села отказали в строительстве новой школы, сославшись на несоответствие градостроительной документации, этот вопрос был поставлен перед Советом. Были найдены исполнители, обеспечено внебюджетное финансирование, оперативно подготовлен новый генеральный план села. Проблема была решена.

В то же время именно подобные “социальные перечисления”, связанные с профессиональными управленческими компетенциями, могли становиться источником напряжения, поскольку вносили в сельскую жизнь управленческие механизмы и культурные ориентиры, по сути ей чуждые. Как говорил один из информантов, подготовка документов, отстаивание горных земель – это сложно. Какие-то конференции, какие-то программы, в которые можно включаться – это очень далеко от повседневной повестки. Местная перспектива – надо поле полить. Не организовали полив поля – распускайте Совет. Сами горожане, составлявшие актив Совета, в общем-то понимали эту проблему. И осознавали, что идея о том, что сельчане должны взять на себя ответственность за будущее села, оказалась привнесенной извне:

Мы постоянно мотивировали их на то, что в их руках судьба села, их самих, их фамилий. <...> И вот эта вот извечная традиция у сельских... у тех особенно, у кого мало достатка или мало по социальной лестнице прошли – они любят винить кого-то в своих бедах. <...> Вот эту штуку получилось повернуть в другую сторону. Выходит человек – мы его просто начинаем бомбить: критикуешь – предложи что-нибудь (ПМА 3: 3).

Выборы нового главы Совета продемонстрировали баланс настроений “за” и “против”. Уверенную победу одержал член той команды, которая определяла стратегию деятельности Совета ранее. Однако оппозиция также нарастила свой ресурс — альтернативного кандидата поддержало существенно больше членов Совета, чем при обсуждении кандидатуры главы села двумя годами ранее.

* * *

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы, характеризующие взаимосвязь транслокальности и “социальных перечислений”.

Взаимовлияние мигрантов и отправляющего сообщества может осуществляться с разной интенсивностью в ту или другую сторону. Мигранты, переезжающие в города, где они не испытывают масштабной дискриминации, способны, даже сохраняя связи со своей родиной, достаточно активно интегрироваться в принимающее сообщество, в определенной мере воспринимая свойственные ему нормы и ценности, и становиться для материнского села источником “социальных переводов” — новых практик и ориентиров, трансформирующих традиционные установки. Различные группы мигрантов в разной степени способны генерировать “социальные перечисления”. В наибольшей мере их источником становятся статусные и образованные мигранты, студенты, а также мигранты второго поколения.

“Социальные переводы” воспринимаются в отправляющем обществе далеко не сразу и не повсеместно. На примере Сивуха можно наблюдать переходные формы — например, получение высшего образования девушками уже не считается чем-то экстраординарным, но при этом сохраняется установка на место женщины как домохозяйки. В то же время некоторые сегменты отправляющего общества по тем или иным причинам оказываются более восприимчивыми к инновациям. Возможно, тот факт, что наиболее существенный разрыв с общепринятыми моделями поведения в ходе исследования был обнаружен в семье, где происходила первая в селе “комсомольская свадьба”, не случаен. Один из сыновей информанта женился на девушке другой этнической принадлежности более старшего возраста, другой — бросил институт и нашел высокооплачиваемую работу в IT-сфере, дочь уехала учиться за границу и вышла там замуж за иностранца. Глава семьи не сразу соглашался с решениями своих детей, пытался возражать, но в конце концов вынужден был принять их выбор. Другие сельчане, напротив, до последнего держатся за традиции: “У некоторых бывают строгие какие-то, древние стереотипы” (ПМА 3: 2). И это может создавать основу для культурного конфликта, в том числе между поколениями.

Исследование подтвердило, что на характер “социальных перечислений” оказывают влияние характеристики тех локаций, где оседают мигранты. Города как источники инноваций формируют большие возможности генерации “социальных перечислений”, хотя даже при отсутствии масштабной дискриминации восприятию новых практик препятствуют барьеры, связанные со значительной культурной дистанцией между отправляющим и принимающим сообществами. При этом географическая близость локаций создает особые формы “социальных переводов”, связанные, как демонстрирует пример Сивуха, с непосредственным и не единичным участием мигрантов в управлении селом. Подобная модель позволяет осуществлять трансфер современных управленческих компе-

тенций и повышать качество менеджмента, однако в то же время чревата усилением конфликтности, связанной с различием ориентиров образованных, статусных горожан и части носителей сельской культуры с иным образовательным уровнем и кругозором.

При этом необходимо учитывать, что “социальные перечисления” являются не единственным фактором, генерирующим изменения норм и практик в местном сообществе. Эти изменения могут подталкиваться воздействием социальных сетей, усилением религиозности и другими причинами, при этом вклад “социальных перечислений” не всегда можно четко выделить.

Таким образом, исследование выявило, что на характер и интенсивность социальных перечислений могут влиять:

- характеристики мигрантов: возраст, статус, образованность, принадлежность к первому или второму поколению;
- характеристики отправляющего сообщества в целом, такие как степень традиционности и закрытости, а также его различных сегментов (здесь выявить очевидные критерии различий не удалось, но дифференциация идет между отдельными семьями и семейная история, судя по всему, имеет значение);
- характеристики принимающего сообщества, такие как его городской характер, масштабы дискриминации мигрантов, культурная дистанция с отправляющим сообществом;
- территориальная доступность отправляющего сообщества для мигрантов.

Тем самым, специфика локальностей, к которым принадлежат мигранты, наряду с индивидуальными и семейными характеристиками является важным фактором, воздействующим на “социальные переводы”.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке проекта “Между традицией и модерном: жизнь северокавказских сельских сообществ в постсоветское время” Фонда поддержки социальных исследований “Хамовники”.

Примечания

¹ Обзор связанных с этой рамкой подходов и дискуссий см., напр.: *Tedeschi et al.* 2022; *Капустина, Борисова* 2021; *Yeoh, Kollins* 2022.

² На аналогичное изменение отношения мигрантов, в том числе транснациональных, к отправляющему сообществу указывали и другие исследователи (*Насриудинов, Рахимов* 2021).

Источники и материалы

Исаев 2018 — *Исаев О.И.* Страницы истории селения Сивух. Махачкала: Издательский дом “Дагестан”, 2018.

Меламедов 2018 — *Меламедов А.* Жизнь и путешествия села Сивух // Это Кавказ. 04.10.2018. <https://etokavkaz.ru/dagestan/zhizn-i-puteshestviya-sela-sivukh>

Османов 2020 — *Османов Ш.О.* С. Сиух: трижды переселенное. Махачкала: Китаб, 2020.

ПМА 1 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Санкт-Петербург, сентябрь 2022 г. (информанты: 1 — муж., мол. возр., студент; 2 — муж., мол. возр.,

военнослужащий; 3 – муж., мол. возр., студент; 4 – жен., сред. возр., работница на предприятии; 5 – жен., стар. возр., учительница; 6 – муж., мол. возр., водитель; 7 – муж., мол. возр., водитель; 8 – муж., сред. возр., водитель; 9 – муж., стар. возр., управленец).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Дагестан, село Сивух, декабрь 2022 г. (информанты: 1 – муж., сред. возр., учитель; 2 – муж., мол. возр., рабочий; 3 – муж., сред. возр., управленец; 4 – жен., мол. возр., старшекласница; 5 – жен., мол. возр., старшекласница; 6 – муж., мол. возр., старшекласник; 7 – муж., мол. возр., старшекласник).

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Дагестан, Махачкала, Хасавюрт, декабрь 2022 г., (информанты: 1 – жен., мол. возр., студентка; 2 – жен., мол. возр., студентка; 3 – муж., сред. возр., бизнесмен; 4 – муж., сред. возр., юрист; 5 – муж., сред. возр., госслужащий; 6 – муж., мол. возр., управленец).

Научная литература

Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 3–13.

Капустина Е.Л. Границы джамаата: особенности функционирования дагестанских транслокальных сообществ в условиях внутрироссийской миграции // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17 (1). С. 103–118. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-103-118>

Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // “Жить в двух мирах”: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. О. Бредниковой, С. Абашина. М.: НЛО, 2021. С. 14–29.

Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI вв.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011.

Насритдинов Э., Рахимов Р. Транснациональная идентичность кыргызских трудовых мигрантов в России // “Жить в двух мирах”: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. О. Бредниковой, С. Абашина. М.: НЛО, 2021. С. 202–232.

Уринбоев Р. Создание “узбекского махаллы” посредством смартфонов и социальных медиа: повседневная транснациональная жизнь узбекских мигрантов в России // “Жить в двух мирах”: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Под ред. О. Бредниковой, С. Абашина. М.: НЛО, 2021. С. 442–481.

Brickell K., Datta A. Introduction: Translocal Geographies // *Translocal Geographies: Spaces, Places, Connections* / Eds. K. Brickell, A. Datta. Farnham: Ashgate, 2011. P. 3–20.

Greiner C., Sakdapolrak P. Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives // *Geography Compass*. 2013. Vol. 7 (5). P. 373–384. <https://doi.org/10.1111/gec3.12048>

Levitt P. Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion // *International Migration Review*. 1988. Vol. 32 (4). P. 926–948. <https://doi.org/10.1177/019791839803200404>

- Levitt P., Jaworsky B.N. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends // *Annual Review of Sociology*. 2007. Vol. 33 (1). P. 129–156. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.33.040406.131816>
- Levitt P., Lamba-Nieves D. Social Remittances Revisited // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. Vol. 37 (1). P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2011.521361>
- Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. Vol. 530 (1). P. 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>
- Portes A., Guarnizo L.E., Landolt P. The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of an Emergent Research Field // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22 (2). P. 217–237. <https://doi.org/10.1080/014198799329468>
- Portes A., Rumbaut R.G. *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley: University of California Press, 2001.
- Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. Towards a Definition of Transnationalism: Introductory Remarks and Research Questions // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1992. Vol. 645 (1). P. 9–14. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1992.tb33482.x>
- Smith M.P. Translocality: A Critical Reflection // *Translocal Geographies: Spaces, Places, Connections* / Eds. K. Brickell, A. Datta. Farnham: Ashgate, 2011. P. 181–198.
- Tedeschi M., Vorobeva E., Jauhiainen J.S. Transnationalism: Current Debates and New Perspectives // *GeoJournal*. 2022. Vol. 87 (2). P. 603–619. <https://doi.org/10.1007/s10708-020-10271-8>
- Tuccio M., Wahba J. Social Remittances // *Handbook of Labor, Human Resources and Population Economics* / Ed. K.F. Zimmermann. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 1–13. https://doi.org/10.1007/978-3-319-57365-6_112-1
- White A., Grabowska I. Literature Review and Theory: The Impact of Migration on Sending Countries, with Particular Reference to Central and Eastern Europe // *The Impact of Migration on Poland: EU Mobility and Social Change* / White A., Grabowska I., Kaczmarczyk P., Slany K. The Impact of Migration on Poland: EU Mobility and Social Change. L.: UCL Press, 2018. P. 42–67.
- Yeoh B.S.A., Collins F.L. Introduction to Handbook on Transnationalism // *Handbook on Transnationalism* / Eds. B.S.A. Yeoh, F.L. Collins. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2022. P. 1–28.

Research Article

Starodubrovskaja, I.V. Migrants Changing Themselves and Others: Translocality and Social Remittances – The Case of the Sivukh Rural Settlement [Migranty meniaiushchiesia i meniaiushchie: translokal'nost' i "sotsial'nye perevody" na primere dagestanskogo sela Sivukh]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 5, pp. 157–176. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050093> EDN: ARWXY ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Irina Starodubrovskaja | <https://orcid.org/0000-0002-7073-5905> | irinavstar@gmail.com | Narxoz University (55 Zhandossov St., Almaty, 050035, Kazakhstan)

Keywords

Dagestan, Sivukh, translocality, transmigrants, social remittances, rural community, cultural conflict

Abstract

The article discusses the influence of domestic migrants on the social relations in a sending community. The analysis draws on translocality and social remittances theories and focuses on the translocal community of Sivukh, a Dagestani rural settlement. The research is based on the results of fieldwork conducted in Sivukh as well as Saint Petersburg, Makhachkala, and Khasavyurt in 2022, which incorporated both villagers and urban migrants of the first and second generations. The analysis shows that the urban context and the lack of discrimination facilitate more intensive integration of migrants in the receiving community. Under the circumstances of translocality, such integration leads to the formation of better conditions for the generation of social remittances. The primary sources of remittances are young educated migrants and second-generation migrants, as well as higher status migrants that manage to achieve successful upward mobility in host societies. The types of localities where migrants settle can also have an impact on the forms of social remittances. The reception of social remittances in sending communities can be inconsistent and generate cultural conflicts. Some segments of sending communities are more receptive to innovations, while others are more committed to traditions.

References

- Abashin, S.N. 2012. Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–13.
- Brickell, K., and A. Datta. 2011. Introduction: Translocal Geographies. In *Translocal Geographies: Spaces, Places, Connections*, edited by K. Brickell and A. Datta, 3–20. Farnham: Ashgate.
- Greiner, C., and P. Sakdapolrak. 2013. Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives. *Geography Compass* 7 (5): 373–84. <https://doi.org/10.1111/gec3.12048>
- Kapustina, E.L. 2019. Granitsy dzhamata: osobennosti funktsionirovaniia dagestanskikh translokal'nykh soobshchestv v usloviakh vnutrirossiiskoi migratsiia [The Boundaries of the Djamaat: The Particular Features of Dagestan's Translocal Communities in the Context of Migration Flows Within the Russian Federation]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 17 (1): 103–118. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-103-118>
- Kapustina, E., and E. Borisova. 2021. Obzor teoreticheskoi diskussii o kontseptsii transnatsionalizma [Review of Theoretical Discussions on Transnationalism Concept]. In *“Zhit' v dvukh mirakh”: pereosmysliaia transnatsionalizm i translokal'nost'* [Living in Two Words: Rethinking Transnationalism and Translocality], edited by O. Brednikova and S. Abashin, 14–29. Moscow: NLO.
- Karpov, Y.Y., and E.L. Kapustina. 2011 *Gortsy posle gor. Migratsionnye protsessy v Dagestane v XX – nachale XXI vv.: ikh sotsial'nye i etnokul'turnye posledstviia i perspektivy* [Highlanders after Mountains, Migration Processes in Dagestan in XX – the Beginning of XXI Century: Their Social and Ethnocultural Consequences and Prospects]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Levitt, P. 1998. Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion. *International Migration Review* 32 (4): 926–48. <https://doi.org/10.1177/019791839803200404>
- Levitt, P., and B.N. Jaworsky. 2007. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future Trends. *Annual Review of Sociology* 33 (1): 129–156. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.33.040406.131816>
- Levitt, P., and D. Lamba-Nieves. 2011. Social Remittances Revisited. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 37 (1): 1–22. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2011.521361>

- Nasritdinov, E., and R. Rakhimov. 2021. Transnatsional'naia identichnost' kyrgyzskikh trudovykh migrantov v Rossii [Transnational Identity of Kyrgyz Labour Migrants in Russia]. In *"Zhit' v dvukh mirakh": pereosmysliia transnatsionalizm i translokal'nost'* [Living in Two Words: Rethinking Transnationalism and Translocality], edited by O. Brednikova and S. Abashin, 202–232. Moscow: NLO.
- Portes, A., and M. Zhou. 1993. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 530 (1): 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>
- Portes, A., and R. Rumbaut. 2001. *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley: University of California Press.
- Portes, A., L.E. Guarnizo, and P. Landolt. 1999. The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of an Emergent Research Field. *Ethnic and Racial Studies* 22 (2): 217–237. <https://doi.org/10.1080/014198799329468>
- Schiller, N.G., L. Basch, and C. Blanc-Szanton. 1992. Towards a Definition of Transnationalism: Introductory Remarks and Research Questions. *Annals of the New York Academy of Sciences* 645 (1): 9–14. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1992.tb33482.x>
- Smith, M.P. 2011. Translocality: A Critical Reflection. In *Translocal Geographies: Spaces, Places, Connections*, edited by K. Brickell and A. Datta, 181–198. Farnham: Ashgate.
- Tedeschi, M., E. Vorobeva, and J.S. Jauhiainen. 2022. Transnationalism: Current Debates and New Perspectives. *GeoJournal* 87 (2): 603–619. <https://doi.org/10.1007/s10708-020-10271-8>
- Tuccio, M., and J. Wahba. 2020. Social Remittances. In *Handbook of Labor, Human Resources and Population Economics*, edited by K.F. Zimmermann, 1–13. Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-57365-6_112-1
- Urinboev, R. 2021. Sozdanie “uzbekskogo makhallia” posredstvom smartfonov i sotsial'nykh media: povsednevnaia transnatsional'naia zhizn' uzbekskikh migrantov v Rossii [Creation of “Uzbek mahalla” through Smartphones and Social Media: Day-to-Day Transnational Life of Uzbek Migrants in Russia]. In *"Zhit' v dvukh mirakh": pereosmysliia transnatsionalizm i translokal'nost'* [Living in Two Words: Rethinking Transnationalism and Translocality], edited by O. Brednikova and S. Abashin, 442–481. Moscow: NLO.
- White, A., and I. Grabowska. 2018. Literature Review and Theory: The Impact of Migration on Sending Countries, with Particular Reference to Central and Eastern Europe. In *The Impact of Migration on Poland: EU Mobility and Social Change*, by A. White, I. Grabowska, P. Kaczmarczyk, and K. Slany, 42–67. London: UCL Press.
- Yeoh, B.S.A., and F.L. Collins. 2022. Introduction to Handbook on Transnationalism. In *Handbook on Transnationalism*, edited by B.S.A. Yeoh and F.L. Collins, 1–28. Northampton: Edward Elgar Publishing.